

СИЛЬНЫЕ

боров № 1 первой печи и котел-утилизатор № 3. Закончена заливка днища печи № 1, ведутся работы по возведению стен печи.

Трудно. Но даже в самые суровые морозы бригада безотказно брала бетон.

Бригадир Рябцев явно с неохотой рассказывает о своих трудовых делах, больше ссылаясь на рядовых членов коллектива. Да, ударник коммунистического труда. Да, награжден значками «Отличник социалистического соревнования» и «Ударник Запсиба». И ни слова — о правительственной награде — ордене «Знак почета», полученном за первую домну.

...Недалеко от печной группы,

ДУХОМ

где работает бригада Рябцева, трудится коллектив 1-го строительного участка 11-го строительного управления треста «Кузнецкпромстрой».

С начальником участка Валерием Кондратьевичем Куковицей я встретился совершенно случайно. Он спешил на место работ.

— Возводим фундамент под оборудование проволочного стана, — говорил Валерий Кондратьевич. — Предстоит уложить 8 800 кубических метров бетона, из них 3 500 кубометров уже уложено.

Мы спускаемся на дно 11-метрового котлована, поражающего своими размерами. Здесь трудится комплексная бригада Митрофана Мироненко.

— Ну как, ребята, замерзли? — вместо приветствия обращается к строителям Валерий Кондратьевич.

— Некогда! — бросает один из них, пытаясь растянуть в улыбку неповинующиеся губы. Парень примеряет пустотелые жестяные цилиндры, изредка бросая взгляды на свешивающееся с длинных деревянных подмостков какое-то сферическое сооружение.

— Это наше нововведение, — поясняет Куковича, — пневмотоннасос. Производительность его до 30 кубометров бетона в час.

Бригада Митрофана Мироненко с первых дней начала работать на возведении доменного комплекса. Пень домы, боров, литейный двор, скиповая яма — объекты, в которые вложен ее труд.

Коллектив давно уже соревнуется с бригадой прославленного строителя Виктора Полякова, и небезуспешно. За истекший год выполнение норм выработки — не ниже 140 процентов. Сэкономлено строительных материалов на 1 474 рубля, из которых 240 рублей выплачено членам бригады к основному заработку.

...Будничным трудом этих людей с горячими сердцами зажигаются коммунистические зори.

(ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА)

С легким звоном похрустывал под ногами мартовский ледок, в призрачном лунном свете вспыхивала блестящими до глянца накатанная дорога, по сторонам угрюмо темнели бугры рано притихших домов. В пустой прозрачной тишине далеко раздавались шаги, будто шли ребята по затаившемуся, внезапно оставленному противником городу.

— Ты иди, чего ты... — сказал Ким, искоса поглядывая на находившегося Венку.

— Какое великодушье, — глухо отозвался Венка и зябко поежился.

— Великодушье — это ты, — уточнил Ким и поднял воротник облезлого полушубка.

Венка в ответ только шмыгнув носом и поглубже засунув руки в карманы выдавшего виды пальтишка, из которого он давным-давно вырос.

Куда шли, они и сами толком не знали. Считалось, что к Мишке Коваленкову, хотя об этом было отлично известно, что он сейчас на школьном вечере. Дорога к Мишке лежала мимо.

Возле двухэтажного школьного здания друзья, сами того не замечая, примедлили шаг. На верхнем этаже по стеклам их девятого класса «Б» двигались расплывчатые тени и в открытую форточку доносились звуки баяна.

— Мишка старается, — сказал Венка.

Ким промолчал. Сквозь отчаянно фальшивую игру баяна еле пробивался тоненький напряженно-натянутый голосок:

Синенький скромный платочек
Палал с опущенных плеч...

Это Люська Яковлева, самая красивая девчонка в школе.

Ты говорила, что не забудешь Тихих и ласковых встреч.

— Чего стоишь? — первым опомнился Ким.

— Тебя дожидаются, — нашелся Венка.

Они тронулись было, но тут хлопнула дверь и из школы выскочила девчонка.

— Мальчики! — крикнула она. — Идите скорей!

— Нинка, — сказал Венка, нерешительно поглядывая на друга.

— Мне тут делать нечего. Я на вокзал приду, — буркнул Ким и повернул прочь. Венка двинулся за ним.

— Мальчики, мальчишки! — догоняла Нинка. — Куда вы, дурни!

Она догнала и затараторила, глядя на них в лица ребят.

те! Уже все собрались, только Павлы Васильевны нету. Идемте, все улажено!

— Что улажено? — насторожился Ким.

— Ну... все... — неопределенно развела руками Нинка.

Но Ким отлично понял и, поворачиваясь спиной, отрезал:

— В жалости не нуждаюсь!

— Зря старались, — вежливо раскланялся Венка, приподымая шапку.

— Да что вы! — умоляюще сложила руки Нинка. — Ждала, ждала...

В голосе ее просеклись слезы.

— Иди, пожалуйста, — сжалился над ней Ким. — Иди, а то холодно.

— Ах, так! — топнула ногой Нинка. — Нет уж! Никуда я не пойду! Или вы пойдете со мной, или я буду стоять на морозе... и заболею... воспалением легких. Двусторонним! Чухоткой!! — С нахордом словом она набирала высоту. — Хотите, чтобы я заболела? Да? Чтоб умерла?

Венка растерянно смотрел на Кима. Чего доброго, и вправду простынет. Вон мороз-то какой, как в январе. А что Нинка не вернется без них, в этом сомнения нет. Кого-кого, а эту упрямую девчонку знала вся школа.

— Ну! Хотите, да? — напирала Нинка, почуяв, что мальчишки колеблются.

Первым повернул Ким. Венка вздохнул с облегчением. Дружба дружбой, а все же здорово хотелось побывать на вечере.

При входе в школу Ким вежливо пропустил Нинку вперед, неожиданно захлопнул за ней дверь, подпер ногой.

— Тактика и стратегия, — подмигнул он ошарашенному таким оборотом Венке.

— Мальчишки, вы что! — опомнившись, кричала Нинка и колотила в дверь кулаками.

— Работа о твоём здоровье, — пояснил Ким. — Не волнуйся, береги нервы.

— В чем дело, мальчишки? — раздался женский голос за спиной.

Друзья оглянулись и мигом присмирели. Ким отпустил дверь, из нее вывалилась Нинка и чуть не сбила с ног женщину, боднув ее головой прямо в живот.

— Ой! — пискнула Нинка.

— Простите, Павла Васильевна.

— В чем дело, ребята? — переспросила директор школы.

волос было признаком возмужания, было резкой гранью, безжалостно делящей ребят на самых обыкновенных школяров и красноармейцев, было суровой и завидной необходимостью. Они уходили на фронт. Они еще сидели в своем классе, в своей школе, но уже отрешенные от соклассников, от школы, уже действительно взрослые и как равные с равными разговаривали с учителями.

Девятый «Б» не узнать. В классе расставлены столы, открытые красным сатином в чернильных пятнах, и на столах миски, тарелки, блюда с едой.

Венка потянул носом. Аромат! А Ким не хотел идти! Интересно, кто это за него заплатил? Надо будет узнать у Нинки. Если все складывались, то внести и свой пай. Только тайком. Ким узнает — шею намылит.

Те, у кого чубы еще были на месте, собрались как-то сами собой на одном конце стола и чувствовали себя неловко, чувствовали какую-то вину, что их еще не призвали. Отдельной стайкой шибетали девчонки. Чистили свои перышки и стреляли в мальчишек глазами. Не в тех мальчишек, у которых чубы на месте, а в тех, у кого их уже не было, в красноармейцев. И сами девчонки были какие-то не такие, как утром на уроках, а какие-то новые, повзрослевшие что ли. А расфуфыренные! Духами и кремами пахнут. Люська вон напудренная, и даже брови подведены карандашом. Досталось бы ей от директора, если б на урок так заявила! А сейчас ничего, будто никто не замечает. Только одна Нинка как была лохматая так и осталась, в своя в доску.

Что еще поражало на проводах — это бутылка пива перед каждым. Самого настоящего, «жигулевского», с завода. И виногрет. Ви-не-грет... Или ви-ни-грет? Как правильно-то? Венка задумался, по русскому он хромал. Ну да ладно, не диктант! Важно, что виногрет этот был из картошки, капусты, свеклы и еще чего-то. Роскошная еда! Самая любимая Венкина. Где только раздобыли? Да-а, проводы что надо! Стоп, директор встала!

Павла Васильевна подняла стакан с пивом.

— Ну вот, дорогие мальчишки... торжественно начала она. Голос ее вдруг осел до горького шепота, но она быстро справилась с собой и, един-

Уж это будьте уверены! Все знают: Петька трелаться не станет. Он еще в пятом классе на спор ходил на кладбище и просидел там всю ночь. Правда, потом он несколько лет заикался, но к десятому — ничего, отошел. А в восьмом он убежал на финскую, но его ссадили с поезда в Новосибирске. Когда отец привел его снова в класс, слетелась вся школа поглазеть на героя. Ух, чего только не порассказывал он тогда о своем путешествии! А сейчас вот по-настоящему уходит на фронт.

Да, будущий танкист Амосов будет честно сражаться за Родину, и не один раз заполнят наградной лист на него. Но никто не знал, не знал и сам Петька Амосов, какая предначертана ему судьба. Не знал он, что комужонный попадет в плен и будет умирать в фашистских застенках, не раз будет бежать и убежит наконец к своим, перейдет фронт, но свои заподозрит в нем шпиона, и снова лагеря. И пригодится «шпиону» Амосову опыт побега из фашистской неволи, убежит он и из своего лагеря. И снова, теперь уж рядовым пехотинцем, под чужой фамилией, будет бить фашистов. Дойдет до Берлина и распишется на колонне рейхстага, а потом, украдкой, когда однополчан не будет вблизи, поставит и свою настоящую фамилию рядом с чужой, вымышленной, под которой вынужден был воевать и под которой будет жить после войны вдали от родного города. Дома его будут считать без вести пропавшим. Бесстрашный в бою, побойтся он в мирные дни назвать свое настоящее имя.

Не знал Петька Амосов, что через несколько лет предаст его одинокашник, который сидит сейчас здесь и слушает его. И снова будет Петька сидеть по лагерям бесцено, сидеть до XX съезда партии. Никто не знал, не знал и сам Петька, что только через пятнадцать лет придет он к своей школе, которой сейчас обещает честно сражаться, придет седым, с зарубцованными ранами на теле и с незаживающей раной в сердце, и поклонится низко ее стенам, и назовет себя далеким и уже ставшим для самого себя чужим именем — Петью Амосовым, учеником десятого класса...

Потом пел Валька Курдюков. Пел он русскую народную песню, красивую и грустную. Венка ее никогда не слышал.

Валька станет певцом, это все знают. Он на репетиции ходит в эвакуированный Московский театр оперетты и даже на сцене один раз пел. В хоре. У него тенор. Лирический. Говорят, такие тенора редко бывают. Дар природы. Во всяком случае, так утверждает сам Валька.

Валька — при бабочке, как настоящий артист. А это было так необычно, что Венка чувствовал себя перед ним, ну, прямо-таки лопухим щенком. Блистательный ученик Валька, гордость школы: отличник, актив-

влюблен. Письмо написал и в раздевалке, крадучись, сунул ей в карман пальто, а потом замирал каждый раз, когда она в класс входила. Люська так, видать, и не догадалась, кто это ей накатал, или привыкла — все писали! И Венка разочаровался. И до сих пор ни в кого не влюблен. Принципиально.

А здорово все же поет Валька! Молодчина! Венка вспомнил, как в финскую войну они всем классом стояли ногами за хлебом. Очередь была! Теперь карточки. А тогда им на спинах писали трехзначные цифры мелом и к утру, после бесконечных пересчетов, пальто были испещрены, как шкурки зебр. Иной раз, правда, писали химическим карандашом на ладонях, но на спинах было практичнее: рук отмывать не надо и при пересчете только спиной поворачиваешься и тебе тут же, как на заборе, ставят новый номер. По всем ночам пел тогда Валька. Его просили — он пел. Веселее стоять было, скорее время шло, и мороз вроде не так давил. «Ангельский голосок», — вздыхали женщины. «Козловский будет», — утверждали мужчины. «Голосок что надо!» — восторгалась молодежь. Ребята млели от гордости: соклассник! А утром, когда магазин открывался, Вальку первым проускали, без очереди. Потом он совсем перестал занимать очередь и пересчитываться — все равно первый. А потом Валька и с вечера перестал ходить, под утро только появлялся. Голос берег. Дар природы. Потеряешь — не найдешь. Ребята не обижались. Понимали. Да, поет Валька здорово. Вот голос! Надо ж уродиться!

Валька кончил петь, театрально раскланялся и сел под аплодисменты, довольный. Мишка, растворив в улыбку рот до ушей, грянул вальс. Девчонки повыскакивали из-за стола и закружились друг с дружкой.

— Смотри, Маша стоит, — шепнул на ухо Ким.

— Ну и что? — спросил Венка и посмотрел туда, где у стены стояла Маша, самая тихая и незаметная из их класса девчонка, и удивился. Вечно ходила она в застиранных, с чужого плеча, платьицах и штопаных чулках. Теперь же она стояла в новом коричневом платье с белым отложным воротничком и алела от удовольствия и смущения. Встречая чей-либо мальчишеский взгляд, она потупляла блестящие глаза и с замирающим сердцем ожидала приглашения на танец. Ее не могли обойти сегодня, ее должны были пригласить, просто обязаны! Ведь у нее такой праздник! Она первый раз в жизни надевала новое, специально для нее сшитое платье! Не пережитое из потрепанного материнского и не доставшееся от старших сестер, а специально сделанное для нее! Неужели этого никто

...и Петр Иван.

Комплексная бригада Василия Рябцева по праву считается одной из лучших в седьмом строительном управлении треста «Кузнецкпромстрой». История многих ныне действующих предприятий города начиналась с трудов этого коллектива, приходившего на пустыри следом за геодезистами. Алюминиевый завод, городская насосная станция — пройденные этапы трудового пути бригады.

Ветераном Запсиба зовут строители коллектив Василия Рябцева. В дни, когда крылатый лозунг «Даешь Запсиб!» впервые всколыхнул души и сердца людей, бригада в числе передового отряда строителей пришла на Антоновскую площадку.

Были неудачи, были трудности, но воля людей, их повседневный труд рождали подвиг и неизменно приводили к победе. Здесь они завоевали право называться бригадой коммунистического труда. Их видели на строительстве рудного вагонопрокидывателя, они принимали участие в грандиозных работах по сооружению теплотрассы и теплотоннеля.

К концу семилетки бригада пришла с хорошими результатами. Годовая производительность труда составила 140 процентов плановой. При отличном качестве работ сэкономлено строительных материалов более чем на 1100 рублей.

А сейчас люди трудятся с мыслью о достойной встрече XXI съезда КПСС. Ведя работы на строительстве проволочного стана, бригада досрочно сдала под отделку маслоподвал № 2,

огнивому заработку.

Будничным трудом этих людей с горячими сердцами зажигаются коммунистические зори.

Ю. КОКУРИН.

ЗИМА.

Фото Володи ЗАЙЦЕВА.
(Из снимков, присланных на конкурс).

— Мальчишки, мальчишки!

— Простите, Павла Васильевна.

— Куда вы, дурни!

Она догнала и затараторила, взглядываясь в лица ребят:

— Все уже уладили, идем!

— Ну вот, дорогие мальчишки...

— В чем дело, ребята?

— Они не хотят идти! — выпалила Нинка.

— Заходите! — скомандовала Павла Васильевна.

— Я не пойду, — заупрямился Ким.

Павла Васильевна всмотрелась в лицо юноши, положила ему руку на плечо и тихо сказала:

— Они уходят на фронт, Скудин.

В голосе ее что-то надломилось, отчего Ким поднял глаза. Лунный свет падал на горькое окаменелое лицо директора.

— На фронт, мой мальчик... — еще тише, еще больнее сказала Павла Васильевна и вошла в школу.

Ребята молча последовали за ней.

Они сидели отдельно. Все семеро. Сидели рядком и разговаривали с учителями, теперь уже бывшими учителями. И хотя были они еще одеты привычно для глаз, одеты как всегда, все же казалось, что они уже в красноармейских гимнастерках, перетянутых ремнями. Наверное, так казалось оттого, что все семеро были острижены наголо. Если бы кто из них рискнул прийти в школу остриженным просто так, без причины, ему бы достался целый ворох насмешек. Уж тут бы прошлись насчет «лысых»! Но теперь! Теперь отсутствие

...так необычно, что Венка чувствовал себя перед ним, ну, прямо-таки лопухим щенком.

Блистательный ученик Валька, гордость школы: отличник, активист, одаренный, образец вежливости и воспитанности. Вундеркинд!

Валька пел своим лирическим тенором для уходящих на фронт, а сам не спускал глаз с Люськи Яковлевой. Ни для кого не секрет, что он за ней уже два года бегаёт. Да и кто из мальчишек не бегал за ней! Сам Венка тоже влюблялся в нее в прошлом году, в восьмом классе. И целую неделю был

И этим подала пример.

Ребята, исподтишка наблюдая друг за другом и бравирюя перед девчонками, с заправским видом бывалых выпивох, но в душе стесняясь и страшно боясь опозориться, потянули из стаканов. Многие из них пили впервые в жизни.

Венка лихо опрокинул стакан вслед за Кимом, и ему стало легко и жарко. Стало интересно и смешно видеть, как вставали классные руководители и, обращаясь к новоиспеченным бойцам, говорили напутственные речи. По их словам выходило, что новобранцы — поголовно дисциплинированные ребята и отличники. Во всяком случае, лучше них и в школе-то нет. Вот заливают! Будто никогда и не было «колов», вызовов родителей в школу и грозных педсоветов.

От имени всех уходящих на фронт говорил Петька Амосов из десятого — веселый комсомольский вожак школы. Он обещал воевать, как положено, не посрамить чести лучшей школы города.

сшитое платье. Не переживая из потрепанного материнского и не доставшееся от старших сестер, а специально сделанное для нее! Неужели этого никто не замечает? У Маши даже в осянке появилось что-то новое, какое-то горделивое достоинство. В этом чудесном, необыкновенном платье она вдруг оказалась красивой, красивой своей новизной, неожиданностью. Мальчишки сделали открытие.

— Я приглашу ее, — не то спросил, не то заявил Ким.

(Продолжение следует).

НОВЫЕ СТИХИ

МОЙ ГОРОД

Если, в город въезжая,
Увижу шахтерскую лампу,
То не буду спрашивать,
Что и к чему.

Здесь уходит мужчины
От солнца в глубокие

лавы,
Чтобы подземной дорогой
Вернуться обратно к нему.
И шагая по солнцу,
Светло и устало,
Жадно курят шахтеры,
Негромкий ведут

разговор.
А по рельсам уходят
Груженные тяжело

составы,

Оглашая гудками
Весенний простор.
Я проехал тот город,
Но лица шахтеров
запомнил.

Новый город
Июньским цветением
встречал.

Герб его — силуэт
огнедышащей домны.

Хлеб его —
Трижды крепкий,
Проверенный в битвах
металл.

Л. СЕРБИН.

Маша на бруствере

А. СОБОЛЕВ

(ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА)

Пригласить Машу было, конечно, самое безопасное: отточить ноги — промолчит, не то что Нинка, та и стукнуть может.

Прямой, будто палку проглотил, Ким двинулся к Маше. Она сразу почувала сердцем: в ней, пригласить! Первый раз в жизни ее пригласил мальчишка и именно тот, которого она тайне, не признаваясь самой себе, ждала.

Ким подошел к Маше, она зарделась до самых кончиков ушей и, как загнилотизированная, еще не получив приглашения, сама положила руку на его плечо. И они закуружились с напряженными лицами, будто писали контрольную.

Венка постоял-постоял в сторонке, чтобы не мешать танцующим, да и пошел в коридор, тускло освещенный на всем протяжении двумя лампочками со слабым накалом. Под одной из них, у окна, толпились ребята, принципиально не признававшие танцев. На подоконнике с ногами сидел Оскар Антсон.

— Дивизия формируется на Волге, — говорил он и, покосив глазом на открытую дверь класса, украдкой затаился папироской. Хотя и красноармеец он теперь, а кто знает, как отнесутся к его курению учителя! Предосторожность никогда не помешает. — Помините, Полина Ивановна рассказывала про латышских стрелков? Кремль охраняли. Будь здоров! И сейчас такая дивизия формируется. Я как раз успею.

Ребята завистливо слушали. Да и как не завидовать! Двадцать пятый еще не призывают, а Оскара взяли добровольцем. Вчера они все гуртом ходили в горвоенкомат. Толпа перед военкоматом — самым людным теперь месте в городе — ошеломила их. Но Петька Амосов быстро смекнул, что делать. Он построил ребят в отряд и решительно повел их прямо на толпу, покрикивая: «Расступитесь, строй идет! Пропустите, пропустите!» И толпа раздвинулась. Школьники беспрепятственно проникли в помещение.

Матенький, кряжистый, с крупным некрасивым лицом капитан — военный комиссар города — удивленно усмехнулся на вытянувшегося перед ним Петьку Амосова:

— Что такое? Что за люди?

— Добровольцы четырнадцатой дивизии, товарищ капитан! — это странновато Петька Шолом? — переспросил

Таких оказалось шестеро. Не ушел из строя и Оскар Антсон.

— Год, месяц, — как заведенный, монотонным голосом спрашивал писарь, заполняя анкеты на счастливых.

— Двадцать пятый, январь, — сказал Оскар, когда очередь дошла до него.

Писарь было занес ручку вписать, как до него дошел смысл сказанного.

— Товарищ капитан, тут с двадцать пятого оказался.

— Я же русским языком сказал: двадцать пятый — домой! — сердито оторвался военком от бумаг.

— Где же равноправие наций? — высоким голосом спросил Оскар.

— При чем тут нации? — нахмурил брови военком.

— Ну как же, — тихо продолжал Оскар, явно оробев под взглядом военкома. — Должны же и другие нации воевать, не только русские.

— Да ты кто такой?

— Латыш.

— Латыш! — вдруг улыбнулся военком и уже совсем другими глазами окинул крепкую фигуру Оскара. — Тогда мы с тобой земляки.

— Да? — спросил Оскар.

— Вы тоже латыш?

— Нет, я пермяк. Из Пермской области. А в Латвии служил. Там у меня жена и дочка остались, — нахмурился военком. — Не успели эвакуироваться. Ну да ладно, ступай домой!

— Как домой? Вы обязаны меня взять!

— Это еще почему?

— Потому что я здесь один латыш, а на Волге латышская дивизия формируется и я должен в нее попасть.

— А это тебе откуда известно? — нараспев спросил военком и нахмурил брови.

— Это всем латышам известно! — отрезал Оскар. — И куда я отсюда не уйду! Я родился первого января. Если бы двадцать четвертый год не был високосным, я бы родился тридцать первого декабря двадцать четвертого, понятно! И родился я в четыре часа утра. Всего каких-то четыре часа разница, а вы не берете!

Военком выслушал Оскара, усмехнулся, покачал головой и махнул писарю:

— Запиши, леший с ним! Пока едет, пока формируют, и год подойдет. Надо ж, «четыре часа разница». Остальные — марш домой! Нечего тут выстанывать! — прикрикнул на толпачиков здесь находившихся на свое счастье писарю.

— Запиши, леший с ним! Пока едет, пока формируют, и год подойдет. Надо ж, «четыре часа разница». Остальные — марш домой! Нечего тут выстанывать! — прикрикнул на толпачиков здесь находившихся на свое счастье писарю.

— Запиши, леший с ним! Пока едет, пока формируют, и год подойдет. Надо ж, «четыре часа разница». Остальные — марш домой! Нечего тут выстанывать! — прикрикнул на толпачиков здесь находившихся на свое счастье писарю.

новна.

Оскар растерянно хлопал глазами и мял карман пиджака. Из кармана валил дым.

— Что это, Оскар? — удивленно-испуганно спрашивала историчка.

Оскар, не отвечая, выворачивал прогоревший карман.

— Что же ты это? — укоризненно сказала учительница.

— Кури открыто. Чего уж теперь.

Оскар удрученно глядел на прогоревший карман и подкладку. Ребята приглушенно фыркали, давясь смехом.

— Попадет дома, — по-детски беспомощно сказал Оскар. — Пиджак-то отцовский, праздничный.

— Теперь уж не попадет, — ответила Полина Ивановна и грустно улыбнулась.

Венка вернулся в класс, где в самом разгаре шли танцы. Мишка Коваленков упарился на своем баяне, и его сменил старый грамфон с кривой трубой. Счастливый Мишка сиял, как начищенный медный чайник, и пригласил Венку танцевать фокстрот — единственное, что они оба умели.

— Выдал, как я! — восторженно шептал Мишка.

— Чего?

— Ну... играл-то как я! Я играю — все танцуют. А!

— Не топчи ноги.

— Ты тоже, — мимоходом заметил Мишка и опять за свое.

— Нет, здорово у меня сегодня получается. Я играю — все танцуют.

Мишку больше всего удивляло, что под его музыку танцуют, в то время, как других поражало, что вообще он может играть. Музыкальный слух у него начисто отсутствовал, медведь на ухо наступил. И все же он играл почти на всех инструментах, запоминая мелодию не на слух, а по нотам, зрительно.

— Мне бы настоящий аккордеон! Немецкий, с регистрами! Ух, дал бы я! — распался Мишка и становился еще рыжее. Медные волосы прямо-таки искрились, а веснушки сияли, как натертые кирпичом.

— Дал бы — разбежались бы все, — охладил его Венка. — Опять наступил.

— А сам!

Основательно потоптав друг друга ноги, друзья разошлись. Мишка опять сел за свою радость — баян, а Венка встал у стены. С девочками Венка не танцевал принципиально, а если танцевать, то просто баян играл. Да и вообще все мальчишки

себе. И в госпитале она выходит его, и все будут удивляться такой сильной любви. Потом они приедут домой, и будет свадьба, и на свадьбе будет вся школа.

Нет, не так все будет. Венка. И все, что ты думаешь, — твоя фантазия. У Петьки Амосова своя судьба, у Люськи — своя. Не за Петьку она выйдет замуж, а за Игоря Олонского. Но не знает этого никто. И Игорь, мечтающий стать моряком и ходить по белу свету на корабле под именем «Чайка», не знает, что будет сапером и при форсировании Днепра останется без ног. Вот за него и выйдет после войны Люська; на первый взгляд, ветреная и пустая, окажется она настоящей русской женщиной, красивой не только лицом, но и душой, сердцем большим, щедрым, всеотдающим. Гордо и мужественно понесет Люська свою красивую голову рядом с мужем-калейкой через всю жизнь. Вот как это будет, Венка.

Венка постоял-постоял на страже, да и сбегал к танцующим. А когда вернулся, решил удостовериться, здесь ли его влюбленные, и осторожно заглянул в класс и увидел, что Люська целуется с... Оскаром Антсоном. Венка обалдело вытаращил глаза. Что такое? Померещился ему Петька Амосов, что ли? Или он, Венка, пьян? Какое крепкое вино. Да и целую бутылку выдул, не шутка!

Обескураженный Венка пошел искать Кима. Но Ким будто с кивком провалился. Хотел у Нинки спросить, где он, но она как с цепи сорвалась, заявила, что не обязана следить за Кимом, что очень он ей нужен такой противный. А глаза у нее были какие-то такие, что будто только что плакала или вот-вот заплачет.

Когда Венка пришел в класс, то увидел, что Ким танцует с... Люськой. Станный какой-то вечер, не поймешь ничего. Вот что значит хватить лишнего. Еще учителя заметят.

Венка сел в сторонку и присмирел.

Под конец вечера Валька Курдюков спел дуэтом с Люськой какую-то арию, и все пошло провозжать новобранцев. Вышли из школы в морозную лунную синь последних холодов, и Петька Амосов запел первым:

Протрубили трубачи тревогу,
Всем по форме к бою снаряжен,

Собирались в дальнюю дорогу
Комсомольский сводный батальон...

Ребята дружно подхватили, бравинуя перед девочками. Особенно громко пели те, кто оставался дома.

Семеро уходили на фронт. Когда черед остальных?

Ким и Венка распрощались с новобранцами, пообещав назавтра прийти на вокзал, и пошли домой. Венка рассказал Киму, что он видел в классе.

— Она и с Игорем Олонским целовалась и с Ванькой Тужуркиным, — добавил Ким.

— Да ты что? — остановился Венка. — Как это так? Не лжешь? Она это — дура?

— Да, — ответил Ким.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

3 ФЕВРАЛЯ

Документальный фильм «Молодость древней земли» (19-00). Киножурнал (19-50). Телевизионные новости (20-00). В помощь школе. Передача «Функции и их производные» и кинофильм «Сон и гипноз» (20-10). Заключительный концерт фестиваля искусств «Московские звезды» (21-10).

4 ФЕВРАЛЯ

Лучшие фильмы военных лет. Художественный фильм «Актриса» (11-00). Для вас, пропагандисты. Производство и распределение прибавочной стоимости (19-00). Телеочерк «Осторожно! Валька лес!» (19-20). Киножурнал (19-50). Телевизионные новости (20-00). Выставка трех (20-10). Лучшие фильмы военных

лет. Художественный фильм «Актриса» (20-40).

5 ФЕВРАЛЯ

Спортивная передача (17-00). Для малышей. Повторение английских слов (18-00). Мультипликационный фильм (18-05). Наисканне Ленинской премии 1966 года. Ансамбль танца под руководством И. Моисеева (18-25). Документальный фильм «Ла Скала в Москве» (19-05). Международное обозрение (19-45). Телевизионные новости (20-00). Для школьников. Географическая викторина «Вокруг света» (20-10). Художественный фильм «Прерванный полет» (20-40). Эстрадное обозрение. Добрый вечер (22-20).

ВНИМАНИЮ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

Очередное занятие городского литературного объединения при редакции газеты «Кузнецкий рабочий» переносится со 2-го на 9 февраля. Оно состоится в Доме партийного просвещения (просп. Металлургов, 17). Начало в 18 часов.

Извещение

2 февраля в 16 часов в Доме политического просвещения горкома КПСС состоится занятие лектория «Философские проблемы медицины». Тема: «Проблема причинности в медицине».

Редактор А. М. ЛИСЕНКО.

ТЕАТР КИНО ОБЪЯВЛЕНИЯ

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Живой труп. Начало в 19 час. 2 февраля

Живой труп. Начало в 19 час.

КИНОЗАЛ ГОРКОМА ПАРТИИ

В окрестностях Афин (15, 17, 19, 21).

Для детей — 49 дней (13).

КИНОТЕАТР «КОММУНАР»

Невеста Бубе — франко-итальянский фильм с участием восходящей кинозвезды Клаудиа Кардинале (10-50, 12-40, 14-30, 16-30, 18-20, 20-10, 22). Дети до 16 лет не допускаются. Для детей — Двое в степи (9).

КИНОТЕАТР «ОКТЯБРЬ»

Тысяча ночей на ложе из камня (10-50, 12-40, 16-30, 18-20, 20-10, 22). Для детей — Им покоряется небо (9, 14-30).

КИНОТЕАТР «ЭКРАН»

Ивайло (17, 19, 21; для детей — 15).

КИНОТЕАТР «КОМЕТА»

Гиперболоид инженера Гарина (10, 12, 14, 16, 18, 20, 22).

На стадионе „Металлург“

3 и 4 февраля

СОСТОЯТСЯ ВСТРЕЧИ ПО ХОККЕЮ

СРЕДИ КОМАНД КЛАССА «А»

«МЕТАЛЛУРГ» — «МАШИНОСТРОИТЕЛЬ» (г. Златоуст)

Начало в 19 час.

Билеты продаются в кассах стадиона, в завкоме металлургов и заводоуправлении КМК, во Дворце культуры алюминщиков и театральном кассе универмага, в киосках «Союзпечати». Принимаются коллективные заявки. Дирекция стадиона «Металлург».

Сибирскому отделению „Союзводоканалпроект“

ТРЕБУЮТСЯ:

ИНЖЕНЕРЫ по специальностям: водоснабжение, канализация, гидротехнические сооружения, промышленное и гражданское строительство; ГЛАВНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ ОТДЕЛА ЭЛЕКТРООБОРУДОВАНИЯ И АВТОМАТИЗАЦИИ (оклад — 220 руб.), РУКОВОДИТЕЛЬ ГРУППЫ ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ (оклад — 170 руб.), НАЧАЛЬНИК СПЕЦИАЛЬНОГО ОТДЕЛА (оклад — 200 руб.), ИНЖЕНЕР-НОРМАТИВНИК, ИНЖЕНЕР ОТДЕЛА КАДРОВ.

Спортивно-технический клуб ДОСААФ Кузнецкого района

Производит набор

на курсы СЕКРЕТАРЕЙ-МАШИНИСТОК. Срок обучения — 6 месяцев. Начало занятий — с 15 февраля. Обращаться: ул. Светлая, 66. Остановка трамвая № 2 и автобуса № 24 «Солнечная».

Новокузнецкая автомобильная школа ПРОДОЛЖАЕТ НАБОР НА КУРСЫ

для обучения массовым автомобильным специальностям. Школа готовит: шоферов-профессионалов третьего класса; шоферов-профессионалов дизелистов (с последующим трудоустройством).

Производится переподготовка шоферов с III на II и со II на I классы.

Обращаться: Нижняя колония, квартал 3, дом 1, автошкола, телефон 3-33-10.

ВНИМАНИЮ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

В павильоне магазина «Спортмен» спортульторга ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ спортивные товары, на которые снижены цены от 20 до 70 процентов.

Здесь можно приобрести по сниженной цене лыжи — детские, подростковые; лыжные ботинки и другие товары.

Просим посетить павильон уцененных товаров.

Павильон находится на территории бывшего Центрального колхозного рынка.

Городское профессионально-техническое училище № 67

автотранспортников ПРОДОЛЖАЕТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ НАБОР НА КУРСЫ

...на выслушавшего перед ним Петьку Амосова.

— Что такое? Что за люди? — Добровольцы четырнадцатой школы, товарищ капитан! — лихо отпарторвал Петька.

— Школы? — переспросил капитан, окидывая ребят юркими дробинками усмешливых глаз. — Осчастливили. А я думаю — что так долго не идут. Какие классы?

— Десятый и девятый, товарищ капитан!

— Та-ак. А из пятых и шестых нету? — Но тут глаза военкома потеряли ироническое выражение, и он серьезно спрашивает:

— С какого года?

— Двадцать четвертый и двадцать пятый, товарищ капитан! — тянулся перед ним Петька. Плечистый, высокий, подтянутый, он уже был как старый боец. Есть у Петьки военная жилка.

— Та-ак, — снова протянул военком. — Ну, что ж, вовремя пришли. Приказ есть: брать двадцать четвертый. — И привал: — Двадцать пятый марш домой, а двадцать четвертый остаться!

— Есть, остаться! — гаркнул засиявший Петька. Он был с двадцать четвертого.

Продолжение. Начало в «Кузнецком рабочем» за 30 января с. г.

...пока едет, пока дружба работает год полондет. Надо ж, эти-четыре часа равница. Остальные — марш домой! Нечего тут выстаивать! — прикрикнул на толкавшихся здесь надевшихся на слепое счастье школьников...

Вот теперь и сидел Оскар на подоконнике и, захлебываясь от радости, трепался о латышской дивизии.

Беспечно, наивно-радостно болтал Оскар о своей дивизии, и никто не знал, не знал и сам Оскар, что не бывать ему в этой дивизии никогда и не сражаться на фронте, что он не доедет до Болги, а умрет в Омске в госпитале от крупозного воспаления легких.

— Васар! — подал кто-то сигнал опасности, и Оскар испуганно сунул в карман папироску.

Из класса вышли маленькая, сухонькая, в накиннутой на плечи шали историчка Полина Ивановна и немец Клейн. Они подошли к ребятам и стали спрашивать о том, о сем: когда едут, все ли взяли с собой и прочее. Разговаривали, пока Полина Ивановна не сказала:

— Горит что-то.

— Тряпка какая-то, — подтвердил немец, потянув крупным хрящеватым носом.

— Боже мой, да это же у тебя карман горит, Оскар! — воскликнула Полина Ива-

...нашка опитъ сел за своею радостью — бояи, а Венка встал у стенки. С девчонками Венка танцевал принципиально, а если говорить честно, то просто боялся. Да и вообще все мальчишки танцевали с мальчишками, а девчонки с девчонками. Только новобранцы отваживались приглашать соклассниц. Приглашали их чинно и сами были такие прямые и напряженные, что у учителей проскальзывали на губах улыбки, но улыбки сегодня были с грустинкой. А девчонки-то, девчонки! Ну прямо как павы выступают. Надо же! И где только научились. А куда это, между прочим, Ким задевался?

Венка пошел искать друга. В пустом десятом классе Венка наткнулся на целующихся Петьку Амосова и Люську Яковлеву. У Венки даже дух перехватило, и он потихоньку отпятился. Кажется, не заметили. Целуются! Впрочем, перед разлукой так и положено. И Венка встал на страже у класса, чтобы никто не помешал двум любящим сердцам. И уже видел, как перед боем Петька пишет письмо Люське, а кругом рвутся бомбы и самолеты пикируют. А потом Люська, конечно, пойдет на фронт медсестрой и там на поле боя подберет истекающего кровью возлюбленного и будет несколько километров тащить

...она и с Игорем Олошским целовалась и с Ванькой Тукуркиным — добавил Ким.

— Да ты что? — остановился Венка. — Как это так? Не любя! Она что — дура?

— Чего встал? Они же любят ее.

— Ну, а она-то? Насмехается?

— Нет. — тихо и серьезно ответил Ким.

— Как нет? То с одним, то с другим! — возмутился Венка.

Ким как-то совсем повзрослому весело и мудро сказал:

— Так надо сегодня.

Венка таращил глаза на друга и ничего не понимал.

Их обогнали завуч и историчка. Донеслось:

— Какой ужасный день сегодня у Павлы Васильевны. Единственного сына. Под Ленинградом...

— Ох, боюсь за мужа, — отозвалась историчка. — Два месяца писем нет. Не дай бог...

Из глубин небес тек неестественно-фосфорический свет застекленевшей луны, вдали была еще слышна песня, надрывно-бодрая, одиноко затерявшаяся в мартовской почной глуши:

До свиданья, мама, не горюй. На прощанье сына поцелуй!

До свиданья, мама, не горюй, не грусти...

Пожелай нам доброго пути... (Окончание следует).

ИНЖЕНЕРЫ по специальностям, водоснабжение, канализация, гидротехнические сооружения, промышленное и гражданское строительство; ГЛАВНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ ОТДЕЛА ЭЛЕКТРООБОРУДОВАНИЯ И АВТОМАТИЗАЦИИ (оклад — 220 руб.), РУКОВОДИТЕЛЬ ГРУППЫ ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ (оклад — 170 руб.), НАЧАЛЬНИК СТРОИТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА (оклад — 230 руб.), ИНЖЕНЕР-НОРМИРОВЩИК, ИНЖЕНЕР ОТДЕЛА КАДРОВ, ИНЖЕНЕРЫ и ТЕХНИКИ, ЭЛЕКТРИКИ, ГЕОЛОГИ и ТОПОГРАФЫ, ТЕХНИК в проектный кабинет и бюро оформления.

Обращаться: Кузнецк, ул. Ленина, 62, 4-й этаж.

Приглашают НА РАБОТУ

◆ **НОВОКУЗНЕЦКИЙ ЗАВОД ВИНОГРАДНЫХ ВИН** — слесаря, электрика, кочегара, дворника.

Обращаться: Рыночный проезд, 3, отдел кадров.

◆ **НОВОКУЗНЕЦКОЕ ПАСАЖИРСКОЕ ВАГОННОЕ ДЕПО** срочно — слесарей-электриков, аккумуляторщиков, столяров, токаря-бандажника, слесарей-вагонников, слесарей-сантехников, слесаря-жестянщика, проводников вагонов, кладовщиков.

Обращаться в отдел кадров.

◆ **СТАНЦИЯ «НОВОКУЗНЕЦК-ВОСТОЧНАЯ»** срочно — составителей, башмачников, сцепщиков, стрелочников, учеников башмачников и стрелочников (мужчин и женщин не моложе 18 лет). Проезд к месту работы по железной дороге бесплатный. Обращаться в отдел кадров

◆ **СУ-8 «ПРОМСТРОЙ» ТРЕСТА «КУЗНЕЦПРОМСТРОЙ»** на строительство Западно-Сибирского металлургического завода — дипломированных электросварщиков для работы на монтаже железобетонных конструкций, каменщиков, каменщиков-монтажников, электриков, плотников, бетонщиков, разнорабочих (мужчин).

Одинокие обеспечиваются общением.

Обращаться в отдел кадров (Антоновская площадка, около первой коксовой батареи, ехать до ст. «Северная»).

◆ **«ЮЖКУЗБАССЛЕС»** в аппарате — квалифицированную секретаря-машинистку; в детсад и ясли — рабочего-возчика и шофера грузового мотороллера; шоферов лесовозных машин для работы на Таштагольском, Мыс-

Городское профессионально-техническое училище № 67 автотранспортников ПРОДОЛЖАЕТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ НАБОР НА КУРСЫ шоферов-слесарей. Обращаться: Куйбышево, ул. Трамвайная, 28-а.

◆ **КУЗНЕЦКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ** срочно — токарей-универсалов, строгальщиков, подручных станочников слесарей по ремонту оборудования, сантехников, слесарей-монтажников, автослесарей, электриков, электромонтеров, электрослесарей, дипломированных электрогазосварщиков, модельщиков формовщиков, пом. составителей каменщиков огнеупорной и красной кладки, плотников, бетонщиков, арматурщиков, подкрановых рабочих, грузчиков, рабочих без профессий (мужчин), дворников уборщиц для работы в ЖКУ.

Одинокие обеспечиваются общением.

Обращаться: заводоуправление КМК, комн. 32.

◆ **АВТОРЕМЗАВОД АВТОТРЕСТА «КУЗБАССТРОЙТРАНС № 2** — токарей-универсалов

Вот и отзвенел последний звонок. Ребята сдали экзамены. Мишка Коваленков завалил алгебру и ему предстояла переэкзаменовка осенью. Но была еще только весна, осень где-то там, за горами, и Мишка не унывал.

С фронта приходили тяжелые вести: наши отступали. Вся Украина, Белоруссия, Донбасс были под фашистским сапогом. Разгорались бои под Сталинградом.

Сразу же после школы ребята стали устраиваться на работу на лето. Сидеть дома, сложа руки, было стыдно, да и семьям надо было помогать: время было тяжелое и голодное. Мишка Коваленков пошел на шахту, где до фронта рубил уголек его отец. Венка устроился водопроводчиком, тоже по специальности отца. А Кима мать пристроила на мясокомбинат. «Хотя сыт будешь», — сказала она. И начал Ким работать в цехе ширпотреба: делать расчески, пуговицы, гребенки.

В цехе работал один бывший кулак. Когда Ким узнал об этом, то сильно удивился. Он почему-то думал, что кулаки как были с обрезками, так и остались с ними, какими он их запомнил с детства на плакатах. А этот — был совсем как все люди: работал, смеялся, читал газеты, повторял слухи.

Работал Ким в паре со стариком, который учил его делать расчески и гребенки. Это был длинный жилистый старик с большим острым надыком на морщинистой шее. Киму каждый раз, когда старик глотал, казалось, что надкык разрежет кожу. Здесь же в цехе работал и сын старика, молодой румянощекий парень с плечами борца, которого вот-вот должны были призвать в армию. Петро — сын старика — демонстрировал свою силу, поднимая двухпудовую гирию, что служила прессом для выпрямления

(Окончание. Начало в «Кузнецком рабочем» за 30 января и 1 февраля с. г.).

Мишка на бруствере

А. СОБОЛЕВ

(ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА)

роговых плашек на расческу. Подбрасывая гирию, ловил ее на легу и победно глядел на всех. Равных ему не было. Ким тайком как-то попробовал поднять эту гирию, поднял только до груди. Атлетическая фигура Петра, его играющие бiceps заставили Кима заниматься силовыми упражнениями. Стал читать про силачей, штангистов, борцов и втайне страстно желал придти однажды в цех и небрежно подкинуть гирию на удивление всем. Вот было бы разговор!

Наши пятились все дальше и дальше. Старик помалкивал да похмыкивал, когда в цехе заходил об этом разговор. Но чем дальше отступали наши, тем бодрее становился он, оживал. Однажды, полируя пастой расческу, неожиданно сказал Киму.

— Грозный взяли, нефти теперь нету для самолетов и танков. Теперь... — посмотрел полировку, искоса кинул взгляд на Кима и стал наводить узорчик на расческу. — У него сила! Жмет и жмет! Одно слово — техника!

— Под Москвой их били, — сказал Ким.

— Били, — усмешка скользнула по лицу старика и потерялась в бороде. — Кабы не морозы, но больно и били бы.

— Все равно их победят, — сказал Ким, даже не понимая о чем тут еще может идти речь, о каких еще морозах.

— Оно и синица хвалилась море поджечь, — кинул прицельный взгляд на Кима старик и неожиданно сказал. —

Говорят, отец у тебя заарестован?

Ким растерялся от неожиданности: откуда старик знает?

— Значит, тоже обиженный. — заключил старик, и в голосе его Ким уловил что-то вроде сочувствия.

Ким не знал, что ответить, а старик больше разговора не заводил. Этот случай надолго выбил Кима из колеи. Вроде бы старик ничего особенного и не сказал, и в тоже время своим сочувствием, интонацией голоса как бы поставил Кима на одну доску с собой. Сочувствие старика было откровением для Кима. Значит, он тоже подозреваем, как подозреваем и этот старик. Поэтому и на него так же смотрят теперь.

Раз как-то Ким не пошел на обед, решив сделать расческу для себя. Он сидел в своем закутке за большой томильной печью, стоящей посередине цеха, в которой они со стариком распаривали рога из изготовления расчесок. Ким сидел в пустом цехе и чистил роговую заготовку на рашиле, когда хлопнула дверь и кто-то вошел в пустой цех. Ким, боясь, что его застанут за не совсем законным делом: изготовлением расчески для себя, выглянул из-за печи, полюбопытствовал — кто. Это был Петро. Он быстро подошел к циркулярной пиле, на которой Ким и старик

резали распаренные рога, и включил ее. Пила закрутилась. «Чего он хочет делать?» — подумал Ким, видя пустые руки Петра. И тут же остолбенел. Петро схватил правую руку левой и сунул ее под вращающуюся пилу, вскрикнул и на пол упали какие-то белые палочки. Ким не сразу сообразил, что это — пальцы. Пальцы! У Кима зашевелились волосы, он стоял, не зная, что делать. В это время в цех вошел старик и какое-то мгновение задержавшись на пороге, кинулся к сыну.

— Руку, руку отрезал! — закричал старик, бестолково суется и тыкается то к людям, что входили в цех, то к сыну. — Скорую помощь! Скорую!

Люди суетились вокруг Петра, а он мычал с искаженным страхом и болью лицом, медленно опускался на лавку. А когда опустился, его вдруг начало рвать. Ким тоже почувствовал тошноту и слабость в ногах. Сел за свой верстак, так до конца и не понимая, что же произошло.

Петра увели в медпункт и все долго не начинали работу, говорили о Петре: ему отрезало три пальца — указательный, средний и большой.

Вернулся потный старик из медпункта, сел рядом с Кимом за станок.

— Окалечился сынок, — взял он заготовку и начал по-

ликовать. — Теперь одна у него культа.

Ким молча строгал заготовки на рашиле, не замечая, что сдирает кожу с пальцев.

Старик вдруг запнулся на полуслове и подозрительно зорко кинул взгляд на Кима.

— А ты... обедать то ходил? Чего-то не видел я тебя в столовой.

— Нет.

— А где ты был? — У старика медленно отливала с лица кровь.

— Здесь.

У старика округлились глаза и отвалилась челюсть. Он немо хватал беззубым ртом воздух и рот чернел провалом в седой взерошенной бороде. Киму он почему-то напомнил Ивана Грозного с картины Репина.

Такие же округлившись в ужасе водянистые глаза с красными прожилками, такие же вставшие дыбом редкие волоски на голове и всклокоченная борода.

— Не губи, сынок, — мелко затрясся старик.

Ким сначала удивился словам старика, потом его как киятком ошпарило, до него дошел смысл всего того, чему был он свидетелем. И поняв все, он не знал, что делать, как быть.

Старик вдруг засуетился, полез под верстак и откуда-то из-за ящиков вытащил штук десять прекрасных сделанных расчесок с инкрустациями, сделанных мастерски, как умел делать только старик.

— На, возьми, — совал он их в руки оцепеневшего от догадки Кима. — Бери. На базар вынесешь — с руками оторвут. По тридцатке — мене не отдавай, — наказывал он. — А то народ, знаешь...

Он всунул их в руку Киму, а сам все мелко и жалко трясся и искательно заглядывал в глаза Киму и жарко шептал в лицо осиншим от ужаса голодом:

— Милок, я тебе тоже пригожусь случь чего.

Как во сне Ким встал, но старик вдруг преградил ему дорогу из их закутки, воровато оглянувшись: не видит ли кто, и придвинувшись вплотную, так что Ким ощутил на лице его дыхание, хрипло с прерывистым свистом выдохнул:

— Пыкнешь — стною. Пуговицы то помнишь?

Ким пораженно взглянул на него, столкнули и быстро вышел из цеха. Цех ширпотреба стоял на окраине мясокомбината, прилепившись к склону горы. Внизу привольно раскинулась пойма реки, на другом берегу виднелась полуразрушенная крепость. Здесь, в бурьяне, под самым обрывом и остановился Ким. Он никак не мог собраться с мыслями, никак не мог поверить, что человек сам может себя искалечить, лишь бы не идти на фронт. Ребята ходят чуть не каждую неделю, напращиваются и добровольцами, а тут...! Надо собрать эти проклятые заготовки под пуговицы и отнести начальнику цеха и сознаться, чтобы не давило душу, чтобы старик не считал его таким же, как и он сам. Недели две назад Ким работал во вторую смену, замещающая заболевшего рабочего. У него был куплен билет в кино и он, торопясь в клуб, выбросил вместе с отходами и часть хороших заготовок под пуговицы. Это случайно увидел старик. Он тогда только хмыкнул и не сказал ни слова, а теперь вот... Ким раздвинул бурьян на склоне и стал собирать заготовки, выписывая их в сорной траве, вырывая вместе с сопревшими травяными былками. Сзади послышался шорох. Ким оглянулся: перед ним стоял старик, злорадная улыбка перекашивала его лицо.

— Следы замечаеть?

— Нет, разметаю, — отозвался Ким. — Сейчас отнесу директору.

Старик недоверчиво глядел на юношу и вдруг понял, что тот не шутит. У старика снова округлились глаза, но тут же, криво и сладко улыбаясь, стараясь придать голосу нежный тон, мелко захихикал:

— Да ты, поди, и впрямь решил, что донесу я. Нет, милок, я не ирод, я понимаю, человек ить.

Ким молча выковыривал из травы и мусора заготовки. Старик вдруг повалился на колени:

— Не губи, сынок. Век молиться буду. Внукам-правнукам накажу, — старик полз, протягивая руки и плача. Слезы катились по дряблым щекам, по бороде, падали на грудь, узоря мокрыми пятнами рубашку. Старик дополз, цепко схватил руку Кима и покрыв ее поцелуями.

— Не губи, сынок, не губи! — бормотал он.

Ким отдернул руку, как от огня, и обогнул старика и быстро, почти бегом пошел в контору мясокомбината. На руках его, как ожоги, горели сухие поцелуи старика. В руках были закатые десятка полтора найденных заготовок для пуговиц. Что он скажет директору, он не знал, но шел именно к нему, и что больше работать со стариком он не будет.

Старик недоверчиво глядел на юношу и вдруг понял, что тот не шутит. У старика снова округлились глаза, но тут же, криво и сладко улыбаясь, стараясь придать голосу нежный тон, мелко захихикал:

— Да ты, поди, и впрямь решил, что донесу я. Нет, милок, я не ирод, я понимаю, человек ить.

Ким молча выковыривал из травы и мусора заготовки. Старик вдруг повалился на колени:

— Не губи, сынок. Век молиться буду. Внукам-правнукам накажу, — старик полз, протягивая руки и плача. Слезы катились по дряблым щекам, по бороде, падали на грудь, узоря мокрыми пятнами рубашку. Старик дополз, цепко схватил руку Кима и покрыв ее поцелуями.

— Не губи, сынок, не губи! — бормотал он.

Ким отдернул руку, как от огня, и обогнул старика и быстро, почти бегом пошел в контору мясокомбината. На руках его, как ожоги, горели сухие поцелуи старика. В руках были закатые десятка полтора найденных заготовок для пуговиц. Что он скажет директору, он не знал, но шел именно к нему, и что больше работать со стариком он не будет.

Извещения

8 февраля в 17 часов в помещении Центрального райисполкома созываются на заседание постоянные комиссии.

* * *

8 февраля в 17 часов в помещении Кузнецкого райисполкома состоится заседания постоянных комиссий.

Редактор А. М. ЛИСЕНКО.